

Священник Александр Мазырин

СВЯТОЙ ПАТРИАРХ ТИХОН И ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ: СОВМЕСТИМОСТЬ НЕСОВМЕСТИМОГО¹

В статье рассматривается вопрос, каким образом правление выдающегося святого предстоятеля Русской Церкви, каковым был патриарх Тихон, оказалось ознаменовано наиболее тяжелым за ее тысячелетнюю историю иерархическим расколом — обновленческим. Рассматривается природа раскола, механизм его распространения, основное содержание деятельности раскольников. Показывается отношение к обновленцам православного народа в России, и делается вывод о полном единодушии патриарха Тихона и его паствы в этом вопросе. На основании описанных в статье фактов автор приходит к заключению, что широкое распространение обновленческого раскола и было вызвано тем, что во главе Русской Церкви стоял великий святой. Для борьбы с ним и его единомышленниками атеистической власти и потребовалось прилагать чрезвычайные усилия по насаждению церковного раскола. Эти усилия имели успех, однако в конечном итоге единство святого патриарха и церковного народа («тихоновцев») предрешило провал обновленчества, несмотря на то, что для поддержки раскола большевиками был использован такой ресурс, как Константинопольская Патриархия.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, патриарх Тихон, «тихоновцы», святость, гонения на Церковь, церковные расколы, обновленчество, «Живая Церковь», Константинопольская Патриархия, апостасия.

В истории Русской Православной Церкви патриарх Тихон предстает как один из самых великих святых. В то же время на его патриаршество приходится возникновение самого масштабного в российской церковной истории раскола — обновленческого. Чтобы оценить масштаб церковной разрухи, достаточно принять во внимание, что на пике своего распространения (во второй половине 1922-го — первой половине 1923 г.) обновленческий раскол увлек большую часть российского епископата и белого духовенства. («Достижения» старообрядческого раскола XVII в. в этом плане были куда более скромными.) Как могло сочетаться явление такого предстоятеля, святость которого была очевидна уже его современникам, и такого церковного нестроения? Как сам святитель Тихон воспринимал поразившее Русскую Церковь обновленческое бедствие? В какой мере в своем восприятии обновленчества патриарх был един со своей всероссийской паствой? Попытка разобраться в этих вопросах и будет принята в предлагаемой статье.

В первую очередь необходимо кратко охарактеризовать сущность обновленческого раскола и причины его возникновения. Казалось бы, ответ кроется в самом слове «обновленчество», которое указывает на стремление обновить Церковь в соответствии с изменившимися жизненными реалиями. Действительно, программы обновленцев (например, возникшей в мае 1922 г. «Живой Церкви») содержали планы самых разнообразных церковных реформ, вплоть до реформы догматики (Живая

Священник Александр Владимирович Мазырин — доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (am@pstbi.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Высшее управление в Русской Православной Церкви в 1920–1930-е годы: проблемы канонического и практического преемства» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Церковь. 1922. 1 окт. № 10. С. 17). Однако те реформы, в которых Православная Российская Церковь действительно нуждалась, уже были осуществлены Поместным Собором 1917–1918 гг.: возобновление самого института регулярно созываемых Соборов как высшей церковной власти, восстановление патриаршества и избрание патриарха, председательствующего в соборно избираемых Синоде и Высшем Церковном Совете, утверждение принципа выборности епископата, активное привлечение к участию в церковном управлении рядового духовенства и мирян, повышение роли женщин в жизни Церкви. Эти реформы смогли объединить Русскую Церковь перед лицом разворачивавшихся гонений, повысить ответственность широких кругов верующих за состояние церковных дел.

Обновленцы же, как показало развитие событий, ни к каким церковным реформам особо и не стремились, за исключением тех, которые открывали белому духовенству путь к епископским кафедрам и облегчали налагаемые на него канонами брачные ограничения (запрет жениться повторно и после хиротонии). Главным для них было не желание внутренние реформировать Церковь, а стремление приспособиться к богоборческой власти, пойти на сотрудничество с ней, чтобы обезопасить себя от репрессий с ее стороны. Уже в апреле 1918 г. Поместному Собору пришлось принять определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни», в котором шла речь о «некоторых епископах, клириках, монашествующих и мирянах, не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству». Собор предусмотрел для таковых «церковных большевиков» наказания вплоть до отлучения от Церкви (Собрание определений, 1994, вып. 3, 58–60).

Однако соборные прещения не смогли остановить процесс «большевизации» части духовенства, тем более что он стал активно поощряться самой большевистской властью. В марте же 1922 г. решение сделать ставку на «красных попов» было принято на уровне высшего партийного руководства. Л. Д. Троцкий предложил Политбюро опереться на «сменовеховское духовенство» и «повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью». По его мнению, следовало заставить «сменовеховских попов» довести «кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии» (Покровский, Петров, 1997, кн. 1, 162–163). В дальнейшем, по замыслу Троцкого, после разгрома «церковных черносотенцев», должен был последовать удар уже по самим «сменовеховцам». Политбюро этот циничный план одобрило и предписало губкомам и губисполкомам на местах поддержать лояльное духовенство. Практическая работа по организации раскола в Церкви возлагалась на органы ГПУ, которые опирались на сформированный ими «осведомительный аппарат» в церковных кругах.

В мае 1922 г. патриарх Тихон был взят под домашний арест, после чего в его прежней резиденции водворилось самозванное «Высшее Церковное Управление» (ВЦУ). При этом, согласно заявлениям раскольников и разъяснениям советской печати, патриарх якобы сам отказался от церковной власти и передал ее группе «прогрессивного духовенства». Так, петроградская «Красная газета» в заметке «Передача власти патриархом Тихоном» сообщала читателям: «18 мая было достигнуто соглашение с патриархом Тихоном и священниками Калиновским и другими о том, что церковная власть впредь до окончательного формирования церковного управления переходит временно высшему церковному управлению в составе епископа Антонина (Грановского. — *свящ. А. М.*), епископа Леонида (Скобеева. — *свящ. А. М.*), протоиерея Введенского, священников: Красницкого, Калиновского и Белкова...» (Красная газета. 1922. 20 мая). Глава раскольнической «Живой Церкви» Красницкий со страниц одноименного журнала возмущался, что митрополит Петроградский Вениамин «единолично отлучил от Церкви трех членов Высшего Церковного Управления, принявших из рук самого патриарха Высшее Управление Церковью» (Живая Церковь. 1922. 1–15 июля. № 4–5. С. 9).

На «соглашении» патриарха с Калиновским, Красницким, Введенским и др. и «принятии ими из его рук управления Церковью» следует остановиться особо. Действительно, представители «инициативной группы», в которую входили перечисленные священники, 12–18 мая 1922 г. трижды посещали изолированного чекистами патриарха Тихона и указывали ему на затруднения в функционировании церковного управления в связи с привлечением его к гражданскому суду. Патриарх согласился на временную (до созыва Собора) передачу своих полномочий, но, разумеется, не им и не близкому им заштатному епископу Антонину (Грановскому), а старейшему иерарху Русской Церкви митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому). Также он уполномочил Введенского и компанию принять у ГПУ, опечатавшего патриаршую канцелярию, и передать митрополиту Агафангелу по приезду его в Москву «синодские дела» (Губонин, 1994, 214–218). Под этими делами очевидным образом имелись в виду *канцелярские бумаги*, обновленцы же интерпретировали патриаршую резолюцию так, будто бы им поручено *ведение самих дел*, то есть передана собственно высшая церковная власть, что было явным подлогом [Иванов, 2011, 17–35].

После этого раскольники, действуя, с одной стороны, обманом, а с другой — угрозами, подкрепляемыми репрессиями ГПУ, стали давить на российский епископат и рядовое духовенство, принуждая признать свое ВЦУ. В августе 1922 г., фактически за сопротивление обновленцам, был расстрелян митрополит Вениамин (Казанский), предварительно «лишенный» раскольниками сана и монашества. Такая же участь готовилась и самому патриарху Тихону. Казалось, что на его возвращение на свободу, а тем более — к управлению Церковью, надежд уже нет никаких. Видя это, многие иерархи, даже такие заслуженные, как митрополит Сергей (Страгородский), предпочли встать на оппортунистический путь и перейти в раскольнический лагерь. За изменниками-архиереями шло и большинство конформистски настроенных священников. Отказ признавать ВЦУ почти неминуемо обозначал арест.

Можно проиллюстрировать то, как насаждался обновленческий раскол, выдержкой из секретного циркуляра ЦК Компартии Украины своим местным губкомам, разосланного летом 1922 г.: «Собрания и съезды разрешать беспрепятственно только обновленческому духовенству и только обновленческим мирянам. Странникам патриарха Тихона не разрешать ни собраний, ни съездов. Арестовывать и предавать суду. Необходимо сбросить со всех командных постов всех сторонников Тихона, противников обновленческого движения» [Тригуб, 2009, 271]. Отсюда и объяснение широкого распространения раскола: если бы не чрезвычайные усилия богоборческой власти, он бы не вышел за рамки небольших маргинальных групп.

Главным же содержанием деятельности обновленцев (это было прямо прописано в уставе «Живой Церкви») была «борьба с контрреволюционными элементами в церкви» (Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 20). Эта борьба осуществлялась путем непрерывного доноительства. Сотрудники ГПУ на местах инструктировались о том, что от «живоцерковников» «необходимо ультимативно требовать сведения и материалы об активных контрреволюционерах из духовенства». Добытые материалы должны были «широко использоваться для постановки гласных процессов, имеющих целью дискредитировать духовенство в глазах масс и, с другой стороны, — физически уничтожить и изолировать черносотенные элементы» (Мазырин, 2011, 121).

В мае 1923 г. обновленческий лжесобор в Москве принял в отношении ожидавшего расправы от богоборцев первосвятителя громкое постановление: «Так как патр[иарх] Тихон, вместо подлинного служения Христу, служил контрреволюции... Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви... [и] объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение... Осуждая б[ывшего] патриарха Тихона как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определено политическим, контрреволюционным» (Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 7 (30). С. 7–8).

Заключенный святитель Тихон, однако, категорически отказался подчиняться решению раскольников, сказав членам допущенной к нему обновленческой делегации, что «ему за них, духовенство, стыдно, за их постановление» (Следственное дело, 2000, 355). Этим отказом обновленцы были несколько озадачены, но главные проблемы у них начались двумя месяцами позже, когда, к полной для них неожиданности, святишый Тихон, вместо того чтобы сесть на скамью подсудимых, а затем пойти на расстрел, вышел на свободу и был с любовью встречен своей паствой и сохранившим ему верность духовенством («тихоновцами») именно как патриарх (а не как «гражданин Белавин»). Отдельный вопрос: почему большевики его освободили. Останавливаться на нем здесь нет возможности, тем более что он уже довольно обстоятельно исследован историками [Кривова, 1997; Лобанов, 2008; Сафонов, 2013].

Выйдя на свободу, святитель Тихон обличил неправду обновленцев и однозначно определил их как безблагодатных раскольников. В июле 1923 г. в своем послании к Церкви он писал: «Ныне же торжественно и во всеуслышание с сего священного амвона свидетельствуем, что все... заявления о соглашении с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской Церкви ВЦУ, составленному священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, есть ложь и обман! И что перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами нашей Церкви законных полномочий... Всем этим они отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе» (Губонин, 1994, 290–291).

Таким образом, патриарх Тихон, не спеша облекать свое решение в форму административно-канонического прещения, вынес общую духовно-нравственную оценку обновленчеству как явлению *внецерковному и безблагодатному*. И это не было его личным мнением. Как тогда отмечал осведомленный современник (петроградский протоиерей Николай Чуков — будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий), процитированное выше послание было написано *по представлению епископов*, патриарх его всецело одобрил и от себя дописал лишь несколько слов, касавшихся его лично (Чуков, 1923–1924). Формальное же предание каноническому суду и запрещение в священнослужении вождей обновленческого раскола в ответ на продолжение их клевет были объявлены святителем Тихоном лишь 15 апреля 1924 г. (Губонин, 1994, 316).

Далекий от формальностей церковный народ в массе своей также отвращался от обновленцев, что еще летом 1922 г. вынуждены были отмечать в своих сводках органы ГПУ. «Надо сказать, — признавались чекисты, — что контингент вербованных состоит из большого количества пьяниц, обиженных и недовольных князьями церкви... Более степенные, истинные ревнители православия к ним не идут, среди них последний сброд, не имеющий авторитета среди верующей массы» («Совершенно секретно», 2001, 217). Чувствуя такое отношение народа и понимая каноническую неправоту раскола, наиболее совестливые обновленцы с лета 1923 г. стали массово приносить покаяние перед патриархом Тихоном (в числе первых оказался митрополит Сергей). Святитель Тихон таких с любовью принимал.

Менее разборчивой, чем православные люди в России, и канонически нетвердой оказалась Константинопольская Патриархия, которая из собственных конъюнктурных соображений стала поддерживать обновленческих раскольников. Через эту поддержку Фанар, с одной стороны, рассчитывал расположить к себе большевиков, что было важно в условиях притеснений его турками. С другой — ослабление Русской Церкви изнутри облегчало развернутую тогда греками всемирную экспансию. Наконец, сами обновленцы всячески льстили фанариотам, что вселяло в последних надежду,

что Русская Церковь, как некогда в древности, снова окажется покорной Константинополю. Вдобавок ко всему, у греков был и банальный материальный интерес: официальный представитель Константинопольской Патриархии в Москве прямым текстом просил у советского правительства денег [Мазырин, 2017].

В мае 1924 г. Константинопольский патриарх Григорий VII на заседании своего Синода заявил, что «по приглашению со стороны церковных кругов российского населения» (обновленческих, разумеется) он принял предложенное ему «дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской Церкви смут и разногласий, назначив для этого особую патриаршую комиссию». Комиссия должна была «отправиться туда, чтобы содействовать... восстановлению согласия и единения в братской Церкви ко благу всех православных». Далее особо оговаривалось, что «отправляющаяся комиссия в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству», то есть на обновленцев. И как апофеоз канонической беспринципности Фанара звучала следующая мысль Григория VII: «Ввиду возникших церковных разногласий, мы полагаем необходимым, чтобы святейший патриарх Тихон ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления Церковью... и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, патриаршество (Московское. — *свящ. А. М.*), как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения» (Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 1–2).

На этот грубый выпад патриарх Тихон ответил Григорию VII сдержанно и с достоинством, указав ему, что за епископом Константинопольским Священные Соборы «признавали и признают первенство перед другими автокефальными Церквями чести, но не власти»: «А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома незаконна, не будет принята русским православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви... Весь русский православный народ давно сказал свое правдивое слово как о нечестивом сборище, дерзновенно именуящим себя Собором 1923 года, так и о несчастных вождях обновленческого раскола. Народ не со схизматиками, а со своим законным и православным патриархом» (Губонин, 1994, 322–324).

Апелляция святителя Тихона к позиции православного народа России чрезвычайно важна. Обновленцев же она приводила в страшное негодование, которым они не преминули поделиться со своим стамбульским покровителем (который, к слову сказать, не нашел, что ответить Московскому патриарху). «Свидетельствуем Вам, — писали раскольники Григорию VII в сентябре 1924 г., — что наша Русская Православная Церковь переживает ныне давно небывалую внутреннюю смуту: она потеряла мир и благополучие исключительно по неразумному властолюбию бывшего патриарха Тихона, который, чтобы удержаться у власти, отдал своих пастырей на суд народа и судьбы самой Церкви вверил толпе. Такое положение Церкви нетерпимо» (Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 3).

Стоит сопоставить крайнее презрение раскольников к народной «толпе» с позицией святителя Тихона, с одной стороны, а с другой — со словами знаменитого Окружного послания 1848 г. восточных иерархов: «У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верой отцов его» (Догматические послания, 1859, 233). Нетрудно понять, на чьей стороне была истина: на стороне «тихоновцев» или обновленцев (и поддерживавших их фанариотов).

Если патриарх Тихон опирался на поддержку народа, то раскольники искали другой опоры. В октябре 1924 г. их лжесинод обратился к советскому руководству с пространным доносом о том, как «тихоновщина» их «бьет политически»: «В народе

зреет надежда, что уйдет Советская Власть, а „святейший“ Тихон сохранит Россию новым, лучшим хозяевам, при которых, в первую голову, лучше будет жить церковникам... С политической пропагандой тихоновцев нам бороться трудно, ибо наши религиозные мотивы для контрреволюционеров ничего не стоят. Здесь одна лишь государственная власть может с корнем вырвать политическую заразу. Мы уверены, что при ликвидации тихоновской головки постепенно места успокоятся... Лишение Тихона возможности управлять базирующейся на нем контрреволюцией внесло бы мир в Церковь и предотвратило бы возможность целого ряда, сейчас не исключенных, эксцессов государственного порядка против власти рабочих и крестьян» (Покровский, Петров, 1998, кн. 2, 434–435).

Большевики и сами были не прочь устранить неугодного патриарха, но не решались это сделать. Не решались, поскольку видели, с какой любовью к святейшему Тихону относился православный российский народ. Почву для нового ареста патриарха, однако, богоборцы готовили, а до той поры всячески его травили, как через средства своей пропаганды, так и через своих обновленческих и фанариотских пособников.

Вывод, который можно сделать из всего вышеизложенного, парадоксален. Именно то, что во главе Русской Церкви стоял выдающийся святой, и обусловило размах обновленческого раскола. Если попытаться представить, что патриархом в 1917 г. стал бы не святитель Тихон, а какой-нибудь порочный деятель, вроде архиепископа Евдокима (Мещерского), то, вероятнее всего, так раскалывать Церковь, как это было сделано в 1922 г., богоборческой властью бы и не пришлось. Евдоким (Мещерский), ставший в августе 1923 г. председателем обновленческого лжесинода, и без усилий большевиков (скорее, вопреки им) сам собой вносил разложение в церковную среду, отталкивая от себя даже других раскольников. Можно проиллюстрировать это донесением украинского ГПУ, отправленным в центр в октябре 1923 г.: «За время короткого пребывания своего в Одессе митрополит Евдоким вызвал к себе враждебные отношения со стороны широких масс верующих. Это отношение вызвано его интимной связью с одной монашкой, привезенной им из Нижнего Новгорода. Даже самое прогрессивное духовенство относится к нему отрицательно. Ввиду сложившихся обстоятельств пребывание Евдокима в Одессе является невозможным и может еще более ослабить обновленческое движение» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 291–292).

Напротив, патриарх Тихон объединял вокруг себя и иерархию, и клир, и, что особенно важно, народ церковный. Это заставляло богоборцев действовать более изобретательно и изощренно, хотя бы и с опорой, по их собственной оценке, на «последний сброд» в церковных кругах. Церковь же, внешне умаяясь и терпя урон, внутренне очищалась и укреплялась, а пущенное ее врагами как презрительная кличка наименование «тихоновцы» стало синонимом слова «православные».

Противопоставление святителя Тихона как символа православия отпавшим от Церкви обновленцам, как может показаться, противоречит фактам попыток его объединения с ними, имевшим место в 1923–1924 гг. Особенно непоследовательным в своем отвержении обновленчества патриарх выглядел в мае-июле 1924 г., когда им велись переговоры о создании совместного Высшего Церковного Совета с главой «Живой Церкви» Красницким, причем последний почтительно именовался в патриарших документах «протопресвитером» (Губонин, 1994, 317), хотя до своего отпадения в раскол в мае 1922 г. не был еще и протоиереем.

Церковное предание сохранило объяснение самим патриархом такой своей странной уступчивости. Когда вызванный в Москву из ссылки митрополит Кирилл (Смирнов) прямо спросил его, зачем он это делает, святитель Тихон ответил: «Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого» (на что получил ответ: «Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...») (Косик, 2000, 43).

История с «живоцерковником» Красницким закончилась в июле 1924 г. патриаршей резолюцией на обращении очередной смущенной делегации духовенства: «Благодарю за выраженные чувства верности. Прошу верить, что Я не пойду на соглашения

и уступки, которые могли бы угрожать целости Православия. Если же переговоры с о. Красницким... вместо радости возбуждают тревогу и опасения, о чем свидетельствуют многочисленные заявления архипастырей, пастырей и мирян, то нахожу благоприятным совершенно прекратить переговоры с о. Красницким о примирении и подписи на журнале от 8 (21) мая 1924 г. об учреждении при Мне ВЦУ считать недействительными» (Губонин, 1994, 325).

Таким образом, заявленное было противоестественное согласие святителя Тихона объединиться с «живоцерковниками» стало тем исключением, о которых говорят, что они лишь подтверждают правило. Правило же состояло в том, что в своем отношении к обновленческому расколу святой патриарх руководствовался не собственными соображениями, а был един с Церковью.

Из описанных событий можно извлечь и важный практический урок: когда во главе Русской Церкви стоит святой предстоятель, пребывающий в единомыслии со своей многомиллионной православной паствой, злоба и интриги ее недругов, как внутренних, так и заморских, оказываются бессильными.

Источники и литература

Источники

1. Губонин (1994) — Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.

2. Догматические послания (1859) — Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. (Репр. воспр. изд.: СПб., 1859).

3. Косик (2000) — Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., пред. и прим. О. В. Косик. М., 2000.

4. Мазырин (2011) — «Требование заполнения анкеты сексота необязательно». Инструкция ГПУ Украины по организации групп «Живой Церкви» / Вступ. ст., публ. и прим. свящ. А. Мазырина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 111–123.

5. Покровский, Петров (1997–1998) — Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. / Подг. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск; М., 1997–1998.

6. Следственное дело (2000) — Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. документов по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000.

7. Собрание определений (1994) — Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994.

8. «Совершенно секретно» (2001) — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 1: 1922–1923 гг. М., 2001.

9. Чуков (1923–1924) — *Григорий (Чуков), митр.* О необходимости ликвидации обновленческого раскола и легализации Патриаршей Церкви: Документы и дневник 1923–1924 гг. / Публ., вступ. ст. и комм. Л. К. Александровой-Чуковой. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4350772.html> (дата обращения: 31.10.2017).

Литература

10. Иванов (2011) — *Иванов С. Н.* О причинах передачи св. патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 3 (40). С. 17–35.

11. Кривова (1997) — *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.

12. Лобанов (2008) — Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008.
13. Мазырин (2017) — Мазырин А., свящ., Фанар и обновленчество против Русской Православной Церкви // Мазырин А. В., свящ., Кострюков А. А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017. С. 9–246.
14. Сафонов (2013) — Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013.
15. Тригуб (2009) — Тригуб О. Розгром Української церковної опозиції в Російській православній церкві (1922–1939 рр.). Миколаїв, 2009.

Priest Aleksandr Mazyrin. Holy Patriarch Tikhon and the Renovatianist Schism: the Compatibility of the Incompatible.

Abstract: In this article, the author examines the question of how the reign of such an outstanding holy Primate of the Russian Church as Patriarch Tikhon turned out to be marked by the Renovatianist Schism, the most difficult hierarchical schism during the Russian Church's millennial history. The nature of the schism, the mechanism of its spread, and the main content of the activities of the schismatics are considered. The attitude towards the Renovatianists of the Orthodox people in Russia is shown, and a conclusion is drawn about the complete agreement of Patriarch Tikhon and his flock on this matter. On the basis of the facts described in the article, the author comes to the conclusion that the wide spread of the Renovatianist Schism was due to the fact that the head of the Russian Church was a great saint. In the struggle against him and his supporters, the atheist authorities needed to make extraordinary efforts to plant a church schism. These efforts were successful, but, in the end, the agreement of the Holy Patriarch and the church people (the "Tikhonovtsy") predetermined the failure of Renovatianism, in spite of the fact that the Bolsheviks appealed to the Patriarchate of Constantinople to support the schism.

Keywords: Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, holiness, persecution of the Church, Church schisms, Renovatianism, "Living Church", Ecumenical Patriarchate, apostasy.

Priest Alexander Vladimirovich Mazyrin — Doctor of Church History, Candidate of Historical Sciences, Professor at St. Tikhon Orthodox University of Humanities (am@pstbi.ru).

Sources and References

Sources

1. Chukhov (1923–1924) — Gregory (Chukov), Metropolitan. *O neobkhodimosti likvidatsii obnovlencheskogo raskola i legalizatsii Patriarshey Tserkvi: Dokumenty i dnevnik 1923–1924 gg.* [About the need to eliminate the Renovatianist schism and the legalization of the Patriarchal Church: Documents and diary 1923–1924]. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/4350772.html> (accessed: 31.10.2017). (In Russian).
2. Dogmaticheskie poslaniya (1859) — *Dogmaticheskie poslaniya pravoslavnykh ierarkhov XVII–XIX vekov o pravoslavnoy vere* [Dogmatic Messages of the Orthodox Hierarchs XVII–XIX Centuries about the Orthodox Faith]. Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1995. (Reprint: Saint-Petersburg, 1859). (In Russian).
3. Gubonin (1994) — Gubonin M. E. *Akty Svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshey tserkovnoy vlasti, 1917–1943* [Acts of his Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and all Russia, latest documents and correspondence on the canonical succession of the Supreme ecclesiastical authority, 1917–1943]. Moscow, 1994. (In Russian).

4. Kosik (2000) — Kosik O.V. *Molitva vseh vas spaset: Materialy k zhizneopisaniyu svyatitelya Afanasiya, episkopa Kovrovskogo* [The prayer will save all of you: materials for the biography of Saint Athanasius, Bishop of Kovrov]. Moscow, 2000. (In Russian).
5. Mazyrin (2011) — Mazyrin A.V. «Trebovanie zapolneniya anketi seksota neobyazatel'no». Instruktsiya GPU Ukrainy po organizatsii grupp «Zhivoy Tserkvi» [“The requirement of filling out the questionnaire the informer necessarily”. Manual of the GPU of Ukraine on the organization of the group “Living Church”]. *Vestnik PSTGU*. II. 2011, 5 (42), pp. 111–123. (In Russian).
6. Pokrovskiy N.N., Petrov S.G. (1997–1998) — *Arkhivy Kremlya. Politbyuro i Tserkov': 1922–1925 gg.* [The Archives of the Kremlin. Politburo and Church: 1922–1925]. In 2 vols. Novosibirsk, Moscow, 1997–1998. (In Russian).
7. *Sledstvennoe delo* (2000) — *Sledstvennoe delo Patriarkha Tikhona: Sb. dokumentov po materialam TsA FSB RF* [Investigation case of Patriarch Tikhon: Coll. documents on materials of CA FSB]. Moscow, 2000. (In Russian).
8. *Sobranie opredeleniy* (1994) — *Sobranie opredeleniy i postanovleniy Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg.* [A Collection of rulings and resolutions of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918]. Moscow, 1994. (In Russian).
9. «Sovershenno sekretno» (2001) — «Sovershenno sekretno»: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) T. 1: 1922–1923 gg.* [«Top secret»: Lubianka to Stalin on the situation in the country (1922–1934), vol. 1: 1922–1923]. Moscow, 2001. (In Russian).

References

10. Ivanov (2011) — Ivanov S.N. O prichinakh peredachi sv. Patriarkhom Tikhonom kantselyarskikh del grupe svyashchennikov v mae 1922 g. [About the reasons for the transfer of St. Patriarch Tikhon of office affairs group of priests in May 1922]. *Vestnik PSTGU*. II. 2011, 3 (40), pp. 17–35. (In Russian).
11. Krivova (1997) — Krivova N.A. *Vlast' i Tserkov' v 1922–1925 gg.: Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnye tsennosti i politicheskoe podchinenie dukhovenstva* [Authority and Church in 1922–1925: Politburo and GPU in the fight for Church values and political submission of the clergy]. Moscow, 1997. (In Russian).
12. Lobanov (2008) — Lobanov V.V. *Patriarkh Tikhon i sovetskaya vlast' (1917–1925 gg.)* [Patriarch Tikhon and Soviet power (1917–1925)]. Moscow, 2008. (In Russian).
13. Mazyrin (2017) — Mazyrin A. *Fanar i obnovlenchestvo protiv Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Fanar and Renovationism against Russian Orthodox Church]. Moscow, 2017. (In Russian).
14. Safonov (2013) — Safonov D. *Svyatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovskiy i vseya Rossii, i ego vremya* [St. Tikhon, Patriarch of Moscow and all Russia, and his time]. Moscow, 2013. (In Russian).
15. Trigub (2009) — Trigub A. *Rozgrom Ukrai'ns'koi' cerkovnoi' opozycji' v Rosijs'kij pravoslavnij cerkvi (1922–1939 rr.)* [The defeat of the Ukrainian Church opposition in the Russian Orthodox Church (1922–1939)]. Nikolaev, 2009. (In Ukrainian).